

Затем наступил момент, по-настоящему удививший мисс Елизавету: её сестра улыбнулась. Та самая сестра, которая никогда не смягчалась ни перед кем, даже перед собственным отцом-королём, опасаясь хоть на йоту уронить своё достоинство, — улыбнулась с такой теплотой и добротой.

Она ласково назвала его:

— Мой маленький пудинг.

Герцог Пудинг тоже улыбнулся и широко раскрыл объятия, его голос звучал так же свежо и мелодично, как песня жаворонка на ветке:

— Дорогая Мария, я так по тебе скучал.

Они обнялись и обменялись поцелуями, словно были одной семьёй.

Елизавета с запозданием осознала: возможно, задача встретить гостя у дворцовых ворот была для Марии не такой уж унижительной. Её утреннее беспокойство и нетерпение тоже обрели новое объяснение — она волновалась, ждала, с нетерпением желала увидеть этого мальчика.

Обнявшись с мисс Марией, Август склонил голову набок и взглянул на свою младшую кузину:

— Это и есть моя кузина? Здравствуй, Елизавета. Можно мне так тебя называть?

— Здравствуй, — тихо ответила Елизавета, слегка опустив голову. — Если хочешь, можешь звать меня Лиз.

Лиз — уменьшительное от Елизаветы, так её называли лишь мать и прежний отец. Теперь она поняла истинное обаяние этого кузена: в его глазах она была не «мисс Елизаветой» и не «дочерью короля», а просто собой, его родственницей. Он был ласков, но не навязчив; благороден, но не высокомерен; столь искренен и мил.

Мисс Мария вновь обрела своё не слишком радостное выражение лица, однако не показала этого Августу, а лишь ловко вернула его внимание на себя:

— Разве ты не вернулся вместе с Рафаэлем? Почему его не видно?

— Он попросил высадить его на предыдущем повороте. Не знаю, за какими делами, — чётко и ясно ответил Август, глядя на мисс Марию.

Мисс Мария с трудом подавила нахлынувшие чувства и произнесла как можно спокойнее:

— Поздравляю. Ты наконец поправился.

Она легко отмахнулась от прошлого, словно глуповатое прошлое Августа не имело никакого значения. Оно и вправду не имело. Как бы то ни было, он оставался её самым дорогим кузеном.

Дворец Уайтхолл, также известный как Белый зал, был резиденцией английского правительства и одновременно одним из нынешних основных королевских жилищ. Цены на землю здесь... всегда были самыми высокими в Англии. Ибо прежний правительственный центр — старый Вестминстерский дворец — находился неподалёку. Ныне Вестминстерский дворец по-прежнему оставался административным сердцем, однако после большого пожара его покои превратились в залы судебных заседаний парламента.

Привычка Ричарда II постоянно менять привязанности проявлялась не только в частой смене жён, но и в непрерывной смене мест проживания.

По сравнению со старым дворцом, пропитанным духом истории, такие современные постройки, как Уайтхолл и Хэмптон-корт, явно больше пришлись по душе Его Величеству.

Тем, что Ричард II мог обладать столь выдающимися сооружениями, он в первую очередь был обязан архиепископу Уолси — тому самому кардиналу, что «щедро» подарил Хэмптон-корт Чёрному Принцу. На пике своей жизни, когда он бешено накапливал богатства и мог сравниться с целым государством, он не только финансировал строительство усадьбы Хэмптон, но и расширил Йоркский дворец.

Йоркский дворец, бывшая официальная резиденция архиепископов Йорка, стал предшественником Уайтхолла. Нынешний фаворит Ричарда II, Уолси, «великий» архиепископ, который «вовсе не ради себя, а лишь на благо другим», с грандиозными амбициями вознамерился создать жилище роскошнее королевского. И он преуспел. А затем... особняк отошёл в казну. Можно сказать, он почти в одиночку вложил всё своё состояние, подарив английской королевской семье два самых великолепных дворца той эпохи. Давайте почтим его вклад минутой молчания. Его история наглядно преподаёт нам жизненную истину: не стоит слишком заноситься.

Отвращение Ричарда II к римской курии неразрывно связано с чрезмерным высокомерием архиепископа Уолси в годы его детства.

Когда Август прибыл в Уайтхолл, правая часть дворца всё ещё достраивалась — уже много лет, подобно соборам по всей Европе, возводимым веками.

То, что в порыве чувств Ричард II подарил Хэмптон-корт племяннику, на самом деле всё ещё терзало его сердце, но он не мог позволить себе признаться и потребовать дворец обратно. Поэтому он всеми силами стремился превратить Уайтхолл в резиденцию ещё более роскошную, чем Хэмптон-корт. Говорят, по проекту здесь должно было быть более полутора тысяч комнат; помимо имевшегося в Хэмптоне теннисного корта, здесь планировались кегельбан, площадка для петушиных боёв и рыцарское ристалище, которых в Хэмптоне не было.

— Рыцарская арена уже готова, — наставительно сказала мисс Мария. — Лучше пусть твои рыцари не расслабляются во время пребывания в Лондоне. Отец, весьма вероятно, захочет с тобой «развлечься».

Ричард II, как и его брат Чёрный Принц, питал необычную страсть к эстетике насилия, с той лишь разницей, что Чёрный Принц предпочитал лично рубиться на поле боя, а Ричард II любил наблюдать за рыцарскими турнирами с высоты. Это также было одной из причин его неприязни к римской курии: та всегда выступала против грубых поединков между рыцарями и даже несколько раз издавала ограничительные указы.

Однако тщетно. Мода на рыцарские турниры по-прежнему процветала, в крупных городах Европы повсюду были арены. Рыцари гордились участием в турнирах, и рыцарь-командор Августа, Андре, был в этом искусстве мастером — если он хотел, то мог не проиграть ни одного состязания.

Август обменялся с командиром многозначительным взглядом — не для того, чтобы Андре обязательно победил, а чтобы тот не забыл сохранить лицо его дядюшке.

Молчаливый, высокий, подобный тени, командор, безостановочно охранявший юного герцога со всех сторон, без возражений кивнул.

Мисс Мария сделала вид, что не заметила, как Август и его рыцарь перемигнулись, и лишь снова обняла его за плечи, ласково назвав: «О, мой маленький пудинг».

Уайтхолл представлял собой огромный, сложный комплекс зданий с множеством функций. Под руководством двух юных дам герцог Пудинг едва не отвалил свои короткие ножки, прежде чем добрался до дядюшки. Приём у короля имел этот недостаток: нельзя было подъехать прямо к дверям покоев.

Мисс Мария постоянно следила за состоянием Августа, то и дело останавливаясь и заботливо спрашивая:

— Может, мне тебя понести?

Это были не пустые слова. Под консервативным зимним платьем мисс Марии скрывалась недюжинная физическая сила.

Ради приличия Август с болью отказался. Не ради своего, а ради достоинства мисс Марии. Ей уже восемнадцать, но отец разрушил два прекрасных потенциальных брака, которые её мать устроила для неё при жизни. Хотя Август и не считал, что замужество — единственный удел женщины, учитывая нынешнее щекотливое положение и статус мисс Марии, выйти замуж было бы отличным выбором. Ведь её кузен и бывший жених был императором.

Не королём, а императором, императором Священной Римской империи.

В средневековой Европе был лишь один император — император Священной Римской империи. Остальные монархи были всего лишь королями. Даже после того, как могущественная Римская империя канула в Лету, единственный император сохранял императорский статус. Быть «императрицей Марией» явно больше подходило Марии, чем оставаться «мисс Марией».

Отец мисс Марии был королём Англии, мать — принцессой Арагонской, тётка — королевой Кастилии. Церковь признала законность брака её родителей, её кузен даже намеревался на ней жениться. При всех этих обстоятельствах она никак не должна была оказаться в таком положении.

Мария остановилась, подняла руку и легонько щёлкнула по гладкому белому лбу Августа:

— Не беспокойся обо мне, хорошо? Позволь мне самой быть о себе в заботе. Ведь я твоя крёстная мать.

Да, мисс Мария, будучи кузиной, была также крёстной матерью Августа.

<http://bllate.org/book/15929/1423877>